
ПЬЕСА

Лариса Семенищенкова
(г. Брянск)

ЛЕСКОВ (ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ)

Родилась 8 ноября 1949 года в поселке Дубровка Брянской области.

Окончила Орловский государственный педагогический институт, факультет русского языка и литературы. Сорок лет работала в системе народного образования. Начинала профессиональную деятельность учителем в сельской школе на Орловщине, затем была преподавателем-филологом в Орловском пединституте, Брянском государственном университете им. И. Г. Петровского. Кандидат филологических наук. Автор многочисленных научных работ по литературному краеведению. С 2005 года — член Союза писателей России. Пишет пьесы, рассказы, сказки, сказки. Автор цикла пьес о русских писателях: Ф. М. Достоевском, И. С. Тургеневе, А. А. Григорьеве, Н. С. Лескове, А. К. Толстом и Ф. И. Тютчеве. Как писателя-драматурга Л. Л. Семенищенкову интересуют проблемы творческой интеллигенции. Персонажи ее других пьес — музыканты, актеры, режиссеры, художники. В жанре сказа создан цикл произведений об Анюте-Узорнице, покровительнице мастериц-рукодельниц. Писательница внесла свой вклад в популяризацию брянского сказа. Литературная деятельность Л. Л. Семенищенковой отмечена Грамотой Управления культуры Администрации Брянской области «За творческий поиск, создание пьес о жизни выдающихся поэтов-земляков Ф. И. Тютчева и А. К. Толстого», медалью «В память 200-летия Ф. И. Тютчева». Была дипломантом в региональном этапе патристического конкурса «Спасибо тебе, солдат!» (2006). Лауреат премии имени А. К. Толстого «Серебряная лира» (2010).

В настоящее время — член правления Брянской областной писательской организации, руководитель семинара прозы. Живет в Брянске.

От редакции: *Наш журнал один из немногих, который публикует произведения драматургии. Тем приятнее было получить из Брянска пьесу о Николае Семеновиче Лескове, который, наряду с Г. Р. Державиным, является добрым гением «Приокских зорь». В частности, нами учреждена всероссийская литературная премия «Левша» имени Н. С. Лескова.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лесков Николай Семенович, писатель.

Ольга Васильевна, первая жена Лескова.

Катерина Степановна, вторая жена Лескова.

Василий Семенович, брат Лескова.

Степановна, старая женщина, в прошлом няня Лескова.

Вера, дочь Лескова от первого брака.

Филатов Яков Львович, молодой художник.

Удалов, литератор.

Крестовский Всеволод Владимирович, писатель.

Председатель, *Господин в черном*, *Господин в сером*, *Господин в светлом*, участники заседания комитета Литературного фонда.

Григорий, бродяга с гитарой.

Лелева, *Федоров*, актеры, друзья Лесковых.

Монахиня Анна.

Санитары в лечебнице для душевнобольных.

Действие происходит весной 1867 года в Петербурге.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

«Ошибки всем людям свойственны, и суровости может быть достойно только одно лицемерие, коварство или вообще заведомое криводушие. Этого во мне не было никогда... Многое мною написанное мне неприятно, но лжи там нет нигде, — я всегда и везде был прям и искренен...»

Николай Лесков

Картина первая.

Комната в петербургском доме, где происходят заседания комитета Литературного фонда. Небогатая обстановка: стол, заваленный бумагами; шкаф; несколько стульев; большие часы. В комнате литераторы: Господин в черном и Господин в сером.

Господин в сером (открывая окно). Кто-то пишет романы, а кому-то нужно заседать. *(Выглядывает в окно, вздыхает.)* Черновая работа есть во всяком деле. Может быть, господа великие литераторы и пишут за счет нашего-то времени, а? Вы как думаете?

Господин в черном (отвлекаясь от чтения газеты). Я?.. Думаю, что романы пишутся, прежде всего, за счет таланта. Если вы сочиняете статейки, а не повести, стало быть, вам отпущено больше желчи, нежели этого самого таланта, вот и все.

Господин в сером. Ну, нет. Не согласен. Возьмем живой пример — новый роман Тургенева.

Господин в черном. Вы о «Дыме»?

Господин в сером. Именно. Назовите-ка хоть кого-нибудь, кто бы сегодня не сказал, что Тургенев исписался.

Господин в черном. Тем не менее — заметьте! — всяк старается высказаться. Из-за шума вокруг этого сочинения поневоле подумаешь о значительности автора. *(Показывает газету.)* Читали? Тютчев даже стихотворением разрешился.

Господин в сером. Ну и что? «Дым» и есть один дым и больше *ничего*. (*Помолчав.*) Вы не хуже меня знаете, что теперь чихни господин Тургенев где-нибудь в Париже возле Полины Виардо — у нас тут же будет услышано. Еще и в поэму вставят.

Господин в черном (хохотнув). Хорошо подмечено! А ведь от такой известности и вы б не отказались! Ну признайтесь?

Господин в сером (обиженно). Иронизируйте сколько хотите. А не напиши я свою статейку сегодня вечером, в следующее утро мне уж и есть нечего будет. Оттого мне не до романов.

Господин в черном. Не обижайтесь. Сравнение себя с образцами иногда бывает очень даже полезно.— Сильнейший раздражитель против сна!

Вбегает Господин в светлом.

Распахнув двери, он делает сквозняк, со стола слетают бумаги. Все бросаются их собирать.

Господин в светлом. Господа, я опоздал?

Господин в черном (перебирая бумаги). Разве мы когда-нибудь начинали вовремя? С вашим приходом только и произвелась деятельность.

Господин в сером (чихая). Ну и пылища! Откуда столько? (*Складывает бумаги на столе.*)

Господин в светлом делает танцевальное движение.

Господин в черном. Кажется, у вас какая-то радость?

Господин в светлом. Сразу две-с! Во-первых, забежал в редакцию по поводу моего обзора выставки.

Господин в черном. Надо сказать, веселое выбрали вы себе занятие — протекционировать бездарности.

Господин в светлом. Что вы имеете в виду?

Господин в черном. То, что захваленный вами художник не умеет передать элементарных пропорций.

Господин в светлом. С чего вы взяли?

Господин в черном. Приглядитесь внимательней. На его портретах носы непременно на щеки налезают, а рот — обязательно ниже подбородка.

Господин в светлом. Это уж вы чересчур. Он, конечно, молод еще... Но мне-то нужны деньги! Вот как нужны! Это вы оттого, что я вас опередил. Думаю, вы сами не отказались бы от гонорара.

Господин в сером. Неужели получили?

Господин в светлом. Поэтому и задержался.

Господин в черном. Чем выделявать антраша, начинали б с главного. С вас причитается!

Господин в светлом. Разумеется, господа! После заседания прошу всех ко мне. Я уже распорядился.

Господин в сером. И давайте уговоримся решать вопросы поскорее. Не разводите дискуссий.

Господин в светлом. Да, да, будемте стараться короче. Шампанское лучшего качества, уверяю вас!

С улицы слышатся звуки гитары, пение:

«Ехал на ярмарку ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
Ой, да люли, ой, да люли!
Ухарь-купец, удалой молодец!..»

Господин в сером (прислушиваясь). О! Григорий объявился.

Господин в черном. Не отменить ли заседание по такому случаю? Без представ-

ления не обойдется. Пролог дан. (*Выглядывает в окно.*) Объявляется небольшой антракт.

Господин в светлом. Господа! Вот повод поговорить о театре!

Господин в сером. Лучше скажите, какая у вас другая радость. Вы, кажется, намекали.

Господин в светлом (*доставая из кармана театральный билет*). Необыкновенная удача! За пятнадцать дней заказывал и получил-таки.

Господин в черном (*морщась*). Опять на «Иоанна Грозного»?

Господин в светлом. Разве можно еще что сегодня смотреть? Какой ажиотаж, господа! Говорят, самому Толстому не досталось билета, чтоб посмотреть свою пьесу. Такого зрелища в Александринском давно не было.

Господин в сером. Вот еще пример к нашему разговору о славе, не подтверждаемой талантом.— Пьеса Толстого не имеет никакого отношения к успеху. Декорации да блестящие костюмы. Еще музыка Серова, а главное — аплодисменты императорской семьи. Кто после этого осмелится критиковать? Но даже актеры, и те играют дурно. Самойлов без суфлера не может слова произнести.

Господин в черном. А вы напишите обо всем этом в газету.

Господин в сером. К чему терять время, все равно не напечатают.

Господин в светлом. Но я не согласен, господа. Нильский гениален в роли Годунова. Иначе за что Толстой отдал ему весь свой гонорар?

Господин в черном. Отчего бы и не отдать, если лишнее. У графа Толстого хватило бы и на всю труппу.

Господин в сером. Нильскому повезло.

Господин в черном. На что актеру деньги? Пропьет, и только. Уж если кому везение, то, действительно, Толстому. В один вечер затмил всех наших драматургов разом.

Господин в светлом. Говорят, уже переводит на немецкий для постановки в Германии.

Господин в сером. Думаете, там интересуются пьесой? Ничуть. Все из любопытства к нашей истории. Теперь всякая историческая повесть обречена на успех независимо от способностей автора. (*Помолчав.*) Есть же, однако, литераторы — баловни судьбы.

Господин в светлом. К чему завидовать, господа? Вспомните о времени (*указывает на часы*) — вечном судие! Может быть, в истории нашей словесности останутся не эти счастливицы, Толстой да Тургенев, а вовсе... (*думает*) какой-нибудь... Лесков.

Следует короткое молчание, затем Господин в черном и Господин в сером дружно смеются.

Господин в сером (*сквозь смех*). Бесподобная идея! Эх вас с радости осенило! Лесков!

Господин в светлом (*с некоторым смущением*). Я в смысле противоположности, так сказать.

Господин в сером. Да... Если у Тургенева один только роман — дым, то у известного литератора Лескова все его сочинения — один пар ядовитый.

Господин в черном (*усмехнувшись*). Отлично сказали. Советую вставить в вашу критику. Хотя... небезопасно. Лесков университетов не оканчивал, культурным манерам не обучен. Этот за такое сравнение, пожалуй, и за воротник ухватит. Вот посмотреть бы потеху!

Входит Председатель.

Председатель (*подходя к столу*). Все ли, наконец, пришли? Гаврилова еще нет?

Господин в сером. Гаврилова не будет.

Председатель. Почем вы знаете? Я лично предупреждал.

Господин в сером. У него сегодня были.

Председатель. И что же?
Господин в сером. Как обычно. — Пьян.
Председатель (с возмущением). Господа, что же это такое, в самом деле?
Господин в сером. Вот-вот окажется в долговой яме.
Господин в черном. Действительно, сколько можно вытаскивать? Наш фонд не дойная корова. На пушкинском юбилее экономим.
Председатель. А Удалов — что?
Господин в черном. Должно быть, опять какая-нибудь история. Без истории у него не бывает. Предлагаю начинать.
Господин в сером. Время для нас всех — дорогое удовольствие.
Председатель. Что ж, не возражаю. Будем начинать. Остальные члены комитета, кроме названных нами, к сожалению, сегодня не могут быть по уважительным причинам. Вы знаете. Прошу всех садиться. (*Занимает свое место.*) Господа! На повестке сегодня два вопроса. Первый — дата рождения Пушкина. Мы уже решали, поэтому позволю себе лишь напомнить, что 26 мая собираемся здесь же к десяти часам. Прошу не опаздывать, дата особенная.
Господин в светлом. Об этом помнят все!
Председатель. Хорошо. С вашего согласия перейдем сразу ко второму вопросу. Поступило обращение к Литературному фонду... (*Ищет в бумагах.*) Что здесь за беспорядок всегда? (*Раздраженно.*) Не ветром же сдуло? (*Находит нужное.*) Вот. Нашел. Итак, господа, прошу вашего внимания. Поступило обращение к Литературному фонду на имя председателя, то есть на мое имя, от литератора Лескова.
На лицах присутствующих выражается крайнее удивление.
Господин в сером. От кого обращение?
Председатель. Лескова Николая Семеновича, литератора.
Господин в черном. Того самого?
Председатель. Да.
Господин в сером. Просит денег?
Председатель. Обращается за ссудой.
Господин в черном. Вот те на! (*Иронично.*) Никогда бы не подумал, что такие, как Лесков, способны унизиться до просьбы. Любопытно.
Господин в сером. Судя по его высказываниям, он нас не только за собратьев по перу, а и за людей не считает вовсе.
Господин в черном. Вы что, лично с ним знакомы?
Господин в сером. Никогда и желания не имел. Слышал от других.
Господин в светлом. Наверное, произошло что-то из ряду вон?
Председатель. Ровным счетом ничего. Просто нуждается. Впрочем, как и все мы. Но позвольте, я зачитаю обращение, а потом уж будем обсуждать. Внимание, внимание, господа, я начинаю. (*Читает.*) «Его превосходительству председателю Комитета литературного фонда. Этим письмом я обращаюсь в литературный фонд с просьбой, для рассуждения о которой господам членам фонда нужно иметь более или менее подробные сведения; а потому я начну с изложения их и прошу вас выслушать меня...»
Реплика. Наша прямая обязанность.
Председатель (продолжает). «...Я, нижеподписавшийся, Николай Лесков, существую исключительно трудами литературными. В беллетристическом роде мною написано несколько мелких рассказов по разным изданиям, а также более крупные очерки: «Леди Макбет Мценского уезда», «Русское общество в Париже»... (*Прерывается.*) Дальше перечисляются сочинения. Список длинный. Будем читать?
Реплика. Не стоит. Сочинения мы отлично знаем.
Председатель. Так я опущу список. (*Продолжает чтение.*)

«...Роман «Некуда», роман «Обойденные», повесть «Островитяне». Наконец в марте этого года я начал печатать в «Отечественных записках» романическую хронику «Чающие движения воды»... (Ищет в тексте нужное место.)

Реплика. Завидное трудолюбие.

Председатель (продолжает). «...По массе произведенных мною литературных работ ваше превосходительство и члены фонда, вероятно, изволите прийти к заключению, что я не гулял, а трудился прилежно. Получал я гонорарий довольно хороший и, следовательно, мог бы перенести нынешнюю беду мою. Но на мою долю выпали самые несчастливые случайности...»

С улицы доносится пение:

«Ехал на ярмарку ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец!
Ой, да люли, ой, да люли!..»

Вслед за тем слышатся громкие крики.

Женский голос. Ах, ты, окаянный! Говорили тебе, чтоб духу твоего здесь не было! Мало театров, так теперь по улицам представляют, покою не дают! Что ж это делается, люди добрые! Вот — я тебе!

Мужской голос. А-а-а! Караул!

На подоконник вспрыгивает Григорий. Он в пестрой рубахе, волосы огненно-рыжего цвета. В окне появляется метла, Григорий прыгает в комнату.

Женский голос (за окном). От меня не уйдешь! Я тебя из-под земли вытащу, ряженого! Только окажись теперь! Я уже раскрашу тебя! Нет управы, так сама найду! (Голос удаляется.) Всем пожалуюсь! За все отмщу, за все!

Григорий. Простите, господа, простите! Вот — оказия случилась. (Поправляет одежду.) Хорошо, что вы здесь сидели, а не баба еще какая.

Господин в черном (чихает). А вы спрашивали, откуда пыли столько. Стало быть, от народа! (Опять чихает.)

Григорий. Ей-богу, простите, господа!

Председатель. За что же такое гоненье на тебя? Признавайся, что опять натворил.

Григорий. Да я и не успел ничего. (Приглаживает волосы.) Одной декорацией не угодил.

Председатель. Как это понимать?

Григорий. Очень даже просто. Шел сам по себе, какой есть перед вами. Тут уж на беду у бабы этой ворожея, то есть сваха, сидела, на жениха гадала. Дочка у них на выданыи. Девушка ничего, красота имеется.

Господин в сером. А! Так ты, видно, не случайно проходил, а с умыслом?

Григорий. Разве заказано? Дорога на всех одна, а я не виноват, что у них свои театры.

Господин в черном. Конкуренты тебе?

Григорий. Вот-вот, это самое. Сваха, как положено, говорит: «Гляди в окно. Кто первый взойдет на двор, таков и жених будет. Примечай: бедный ли, богатый ли, не крив ли, не пьян, не рыжий...» Ну, все, как нарочно...

Председатель. И что же?

Григорий. Так я первый под окном и объявился. Если б знал, разве б окрасился? Стало быть — случай.

Господин в сером (смеясь). А окрасился ты к чему?

Григорий. Это уже, господа, к другому делу. — Роль такая, чтоб смешно было.

Господин в черном. Ну, тут ты угадал. Как бы теперь сваха эта с девушкой вместе не умерли со смеху.

Григорий. Ошибка вышла. Что ж. Рассказывали, что и Мартынова на театре осви- стали.

Господин в черном. Ого! Уже с великими комедиантами сравнение!

Григорий. Зачем? Я к примеру только. Разве ж не понимаю?.. Куда мне... Я только балуюсь. (*Выглядывает в окно.*) Хотите, господа, покажу номера? Другим очень даже нравится. (*Становится в позу.*)

Председатель. Э, постой, не надо. Некогда нам, Григорий, заседание у нас.

Григорий. Понимаю. А я бы с радостью. Прощайте, господа.

Господин в светлом (подает Григорию монету). На вот, возьми за свое искусство.

Григорий (берет монету). Господа, я еще умирать могу.

Господин в сером. О! Не ты один.

Господин в черном. Сказано тебе: у нас заседание. После умрешь.

Григорий. Слушаюсь! (*Хочет прыгать в окно.*)

Председатель. В дверь выходи.

Господин в светлом открывает перед Григорием дверь, тот выбегает. Одновременно делается сквозняк, со стола слетают бумаги. Бросаются их поднимать.

Господин в черном. Вот и представление. (*Господину в светлом, подбирая бумаги.*) Однако вы, наверное, много получили, раз уж Гришке подаете.

Господин в светлом. Жалко. Артист в нем пропадает.

Господин в черном. Ну и что? В нем — артист, в вас — романист. Сочувствие никак не поправит положения.

Господин в светлом. Отчего же. Есть случаи, когда вовремя оказанная поддержка изменяла жизнь человека. Сколько великих актеров вышло из крепостных!

Господин в черном. Дались же вам театры. Что за гимназическая настроенность? Вы когда-нибудь заходили за кулисы? Ведь это вертеп, и только. Подумайте сами: бывший крепостной, играющий принца Датского! Как это назвать?

Господин в светлом. Талант!

Господин в черном. Талант в сочетании с невежеством — худшее, что может быть в искусстве. Оттого у нас актеры пьют. Разве не так? И весьма нередко — во время представления. Убежден, что развитию таких талантов лучше всего препятствовать. Из уважения к искусству.

Господин в светлом. Но позвольте...

Господин в сером. Господа, опять дискуссия. Мы же договорились.

Господин в черном. Между прочим, таких талантов и в литературе достаточно. Лезут все, кому вздумается. Без образования, всякого представления о достоинстве...

Председатель (разобравшись с бумагами). Прошу всех занять свои места. Господа, нужно вернуться к вопросу. Эдак мы ничего не решим.

Господин в сером. Не лучше ли отложить до другого раза? Обратите внимание, господа: сегодня, как нарочно, все мешает работе. Начать с того, что не все явились.

Господин в черном. А в следующий раз не явитесь сами.

Господин в светлом. У меня на завтра — билет!

Председатель. Откладывать некуда, господа. Сколько можно? Лучше сосредоточиться на вопросе и решить скорее. (*Смотрит в бумагу.*) Здесь не так уж много осталось. Прошу внимания.

Картина вторая.

*Комната в квартире Лесковых. У окна Степановна, вяжет.
Рядом сидит Вера с книгой. Следит за вязанием.*

Степановна. Гляди: сюда, теперь сюда... Петелька к петельке, так и узор навяжем... А ну, попробуй сама. Грамота — хорошо, а рукоделье для барышни куда лучше. Не дай Бог, бедность приступит... Как у нас теперь. Вот и пригодится. Небось, с

матерью у вас побогаче было?.. А у нас, видишь, писатель в доме. Стало быть, только и есть, что книжки да фамилия. Может, от того и разъехались они с твоей матерью, уж не знаю. Видно, судьба такая...

Из соседней комнаты доносится шум, выбегает испуганный Удалов.

Удалов (*пятясь к дверям*). Позвольте, господин Лесков... Что же это такое?! Однако... Как вы смеете...

Появляется Лесков, наступает на Удалова.

Лесков. Э, нет, господин хороший. Я заставлю вас, и если не убеждением, то силой, данной мне природою.

Удалов (*разводя руками, как бы прося защиты у Степановны*). Я не понимаю! Вы сами пригласили меня к себе, а теперь требуете, не зная чего.

Лесков (*берет Удалова за воротник*). Знаю. И требую сейчас же ответить: по какому праву вы распускаете слухи о том, что я пишу по заказу Третьего отделения.

Удалов (*пытаясь высвободиться*). Только что от вас слышу. Да отпустите меня, что же это, в конце концов, за насилие?

Лесков. Не вертитеесь ужом, со мной не выйдет. Повторяю свой вопрос: на каком основании вы разносите клевету, что я служу Третьему отделению?

Удалов. Хорошо. Не буду врать. Слышал от других. Я здесь ни при чем вовсе. Все — извините за правду — ваш роман. Лично я считаю, что критика в нем на социалистов очень даже кстати. Чем скорее арестуют Чернышевских, тем лучше. Но они-то, революционеры, так не считают. Вот они, скорее всего, и сочиняют про вас небывлицы. Точно, они и придумали!

Лесков. Распускать слухи не в их правилах. А вы, ничего не зная, только что оклеветали и их же. Прошу вас в мой кабинет.

Удалов. Я не желаю дольше здесь оставаться. У меня, между прочим, важное заседание.

Лесков. Что-о?!

Удалов. Да, я опаздываю. Меня ждут. К вашему сведению, по литературным делам. За что это наказание честному человеку?

Лесков. А затем, что вы, как честный человек, при мне сейчас же изложите письменно опровержение своей гнусной клеветы.

Удалов. Но... для чего?

Лесков. Отнесем в газету.

Удалов. Помилуйте, что за фантазия?

Лесков. Я хочу иметь возможность публично ответить на ваше желание опорочить мое имя. И заодно чтоб вам неповадно было в другой раз. Прошу. (*Почти затягивает Удалова в другую комнату.*)

Вера (*тихо*). За что он его?

Степановна (*продолжая вязать*). Стало быть, есть за что.

Вера. Страшный какой.

Степановна. Каким ему, милая, быть-то еще? (*Вздыхает.*) Дед его был крутого нрава, жестокосердный. Рассказывают, сына своего, гимназиста, ни за что, ни про что из дома выгнал без куска хлеба в кармане. Матушка успела с заднего крыльца сорок копеек тайно в руку положить... Потом отец его — служил-то он по судебной части — тоже упрямым прослыл. Помню, как в Ельце сам губернатор приходил к нему на поклон. Видано ли дело: просил за своего человека. Он уж и так, и эдак... Куда! Наш встал на своем, и все тут. Губернатора не уважил! (*Помолчав.*) Как сейчас помню те страсти. Стал перед губернатором и говорит: «Я сам не вор, так и укрывать вора не буду». Как только в острог не уехали, много шума было из-за того...

Из соседней комнаты опять слышится шум, голоса. Вылетает стул, вслед выбегает Удалов.

Удалов (натываясь на стул). За такие дела — в острог надо!

Выходит Лесков.

Вот что значит — необразованность! *(Пятится к дверям.)*

Лесков. А!.. Я и жду, когда это вы про мою неученость скажете. Это ведь у вас уже в поговорку вошло!

Удалов (у дверей). Как иначе трактовать ваше поведение? Невежество и есть. *(Скрывается за дверь, опять показывается.)* Я еще буду жаловаться! *(Скрывается.)*

Лесков. Жалуйтесь, господин ученый. Стало быть, из университетов выносят не одни благородные мысли. Так на это у меня своя наука — простая да верная. *(Поднимает стул, смотрит исподлобья на Степановну и Веру, осторожно ставит стул на место.)*

Степановна продолжает вязать. Вера сидит, уткнувшись в книгу.

Один раз ошибся — не окончил университета. Видно, всю жизнь будут мне тем колоть глаза. И что за аттестат такой? Разве литератор — ученый? Разве писателю прежде не дарование нужно? Не сердце горячее? Или я не понимаю ничего... Я знаю, о чем писать, потому что не по книжкам людей изучал, а жил и живу с ними одной жизнью. Может ли быть лучший университет для писателя?

Степановна что-то шепчет Вере, Вера быстро убегает.

Что скажешь на это, Степановна?

Степановна. Что сказать... Я вовсе неученая, а живу вот. Разве это плохо? Ты, батюшка, открыл бы окно. Весенним воздухом хорошо освежает.

Лесков (открывает окно). Как будто горло сдавило. *(Помолчав.)* Не переводятся ж подлецы на свете!

Степановна. И с веку люди разные. Что бушевать? Зло на зло — добра не выйдет. Пусть бы шел себе, он и так, чисто заяц, пугливый.

Лесков. Э, не гляди, что трус, он ведь другим все норovit какую-нибудь каверзу устроить. Если б только мне одному! Сколько людей честных он еще оклеветать может, да уж и оклеветал наверняка. И все с рук сходит! Потому что если б один был такой, а то много развелось. Собрать бы их всех разом...

Степановна. Эх, мил человек, стульев-то у нас не хватит. Больно ты горяч.

Лесков (подозрительно). Степановна, что это ты передо мною дрянь защищаешь, а?

Степановна (испуганно). Господь с тобой! Можно ли так на человека?

Лесков. Отчего нет, если он — дрянь? Хитришь ты, Степановна, что-то. Скажи прямо, что не по тебе.

Степановна. Скажу. *(Помолчав.)* От горячности до беды — один шаг единый. А кто в ответе за тебя, как не я? Первую меня ж и осудят.

Лесков. Вот так придумала! Я, кажется, давно без няньки, своей головой живу. Сам уже своих детей учу.

Степановна. Так-то оно, так... *(Вздыхнув.)* Сон сегодня видела, думаю, неспроста это.

Лесков. Я твои сны, Степановна, в детстве, как сказки, слушал. А теперь бояться начал.

Степановна. Правда, сбилось много.

Лесков. Так если к хорошему, то Расскажи, а к плохому и сам увижу.

Степановна. Вот не пойму я, к добру ли, к худу... Чудное дело. Помнишь ли тетку свою, игуменью Агнию?

Лесков. Как не помнить. Я ее, как огня, всегда пугался.

Степановна. Вот ее видела. Будто стою я возле дома нашего. А ты, как маленький был, на руках у меня. В белешенькой рубашонке. Веселый такой. Прижимаю я тебя к груди, как раньше, гляжу — поодаль как будто Агния стоит. Или не она, непонятно. Черным-черна, а глаза, точно уголья. И пристально смотрит, строго. Ты уви-

дал, прижался ко мне. Тут замечаю: стала она руки свои протягивать. Будто зовет, манит тебя. Слышу, шепчет: «Отдай мне, отдай!..»

Лесков. Отдала?

Степановна. Как же, гляди! Неужто я отдам. С тем и проснулась.

Лесков (облегченно). Хорошо. Правильно сделала, что не отдала.

Степановна. Вот и рассуди. Выходит, хоть и не нянька я уже тебе, а возле меня ты еще, мне за тобой и глядеть надо. От греха остерегать.

Лесков (обнимает Степановну). Эх, Степановна! Разве оградишь от греха живого человека? Если только в монахи постричься мне. Этого ты хочешь, а? Скажи-ка правду, хочешь?

Степановна. Знаешь ты мой ответ. Да разве пострижешь тебя такого? А правду выскажу. На плохого человека ты озлился — хорошему попадет. Этот, видишь, как: вспрыгнул — и был таков. Теперь брат Василий придет, увидит, как ты грозою ходишь. Он-то тебя всегда примером почитал. Что подумает? Мы привыкли к тебе такому, а он сколько лет не был здесь. Ему и выйдет переживание. Разве хорошо это?

Слышен колокольчик у дверей.

Вот — легок на помине. (*Складывает вязание.*) Ты хоть гребнем моим пригладь чуб свой, ишь, как взъерошился.

Лесков. Ладно, Степановна, поди, открой. Я лучше в кабинете посижу. (*Уходит.*)

Степановна (вслед). А и с детства был такой, беспокойный... (*Открывает дверь, выпускает Василия Семеновича и Катерину Степановну, сама выходит.*)

Василий Семенович. Прекрасная прогулка!

Катерина Степановна. Сад — мое любимое место. Мы гуляем там с детьми, когда хорошая погода. Прогулки всегда успокаивают. (*Подходит к окну.*) Точно такой сад был возле нашего дома в Киеве.

Василий Семенович. Я помню. Очень похоже. Я ведь был у вас, когда вы только познакомились с братом. Кажется, это было три года назад.

Катерина Степановна. Да. Нашему сыну уже два года.

Василий Семенович. Вы очень изменились за это время. Честно признаться, Катерина Степановна, я бы вас с первого взгляда не узнал.

Катерина Степановна. Что ж. Для женщины три года — целая жизнь. Я была моложе.

Василий Семенович. Нет, нет, вовсе не в том смысле. Я как будто вижу другого человека. Вы были тогда бойкой черноглазой красавицей, румяной хохотуньей. И вдруг встречаю женщину, в которой все говорит о спокойствии, о размеренности жизни. Думаю, именно с таких художники пишут идеал материнства.

Катерина Степановна (улыбнувшись). Вы очень добры, Василий Семенович, и полная противоположность Николаю.

Василий Семенович. Интересно, в чем вы видите наше различие.

Катерина Степановна. Хотя бы в том, что он редко бывает разговорчив, а вы — легкий собеседник.

Василий Семенович. Просто мне все у вас интересно. Николай всегда был для меня примером потому, что талантлив, что он до всего доходил сам, без оглядки на других. Таким людям всегда трудно, и я был рад, что Николай нашел, наконец, счастье с вами.

Катерина Степановна (задумчиво). Вы правы, что таким людям трудно. Им и для счастья надо больше, чем другим.

Василий Семенович. Значит ли это, что у вас уже не так, как три года назад?

Катерина Степановна. Как сказать... Конечно, что-то изменилось. Людям свойственно меняться. Для меня это новые заботы, перемена места. Потом... Когда ты влюблена в мужчину и смотришь на него издали — одно, когда он становится твоим мужем — другое...

Василий Семенович. Кажется, я понял: Николай не оправдал первого впечатления?

Катерина Степановна. Вот и не угадали. Как раз все наоборот. Я сразу влюбилась в Николая Семеновича, когда он появился у нашего крыльца на своем белом коне. Его осанка, заразительный смех, горячий взгляд. Такова природа женщины: каждая мечтает увидеть своего избранника рыцарем в седле.

Василий Семенович. Николай умел таким казаться, это правда.

Катерина Степановна. Не казаться, нет. В том и дело, что он до сих пор в рыцарских доспехах. Но... Нельзя нянчить ребенка, не сойдя с лошади. И нельзя решить некоторых проблем, лишь размахивая оружием. Поневоле приходится засучить рукава, запастись терпением и заниматься этими самыми проблемами.

Молчание. Входит Степановна.

Степановна. Катерина Степановна, там хозяин дома пришел.

Катерина Степановна. Что ему нужно?

Степановна. Известное дело — насчет платы. Требуется Николая Семеновича.

Катерина Степановна. Ни в коем случае. Я выйду сама. Попробую уговорить, он обещал нам несколько дней подождать. (*Василию Семеновичу.*) Видите? Об этом я и говорила. А вы приходите к нам в детскую. Вы очень понравились детям. (*Выходит.*)

Слышен колокольчик у дверей.

Степановна. Я сама открою. (*Идет к дверям.*) Ты еще не всех тут знаешь, а я уж определяю, кого впустить, кого нет. Ходят сегодня всякие. Как в присутственном месте. (*Впускает Якова Львовича Филатова.*) Входи, голубчик, Яков Львович, входи.

Филатов (официальным тоном). Мне нужно Николая Семеновича.

Степановна. Сейчас, сейчас позову. А ты проходи, вот братец его, поговорите.

Василий Семенович. Позвольте представиться: Василий Семенович. Я только сегодня утром приехал.

Филатов. Очень приятно. Филатов Яков Львович.

Василий Семенович. Вы — художник? Я догадался. Много хорошего слышал о вас от брата. О вашем таланте...

Входит Лесков.

Лесков (радостно). Яков Львович! Очень рад. Наконец-то сегодня добрый человек пришел. Познакомься с моим братом.

Филатов (сдержанно). Мы познакомились. Но мне, собственно, нужно вас.

Василий Семенович. Да, да, конечно. У меня есть дела... (*Хочет уйти.*)

Филатов (решительно). Прошу вас, останьтесь. Так будет даже лучше, при свидетелях.

Лесков. Яков Львович, что с вами? Вы как будто не в себе. Садитесь же. Что случилось?

Филатов. Я пришел с вами объясниться.

Лесков (удивленно). А в чем вопрос?

Филатов (показывает книгу). Вчера вы изволили подарить мне этот экземпляр с дарственной надписью.

Лесков (берет книгу, передает брату). Вот, не успел тебе похвалиться. Моя новая книга. Думаю, критикам понравится. Яков Львович первый, кому я подарил. Называется «Смех и горе».

Филатов. Осмелюсь заметить — весьма удачное название. Много смешного в вашей жизни, Николай Семенович, это понятно с первых страниц.

Лесков (с некоторым недоумением). Вы, кажется, чем-то недовольны. Скажите прямо.

Филатов. За этим я и пришел. Слово «недоволен» для теперешней ситуации слишком низко. Я оскорблен и возмущен.

Лесков. Не понимаю, Яков Львович, ей-богу, не понимаю. Объясните, что к чему.

Филатов. Неправда. Должно быть, понимаете. Иначе как могло случиться, что вы публично осмеяли здесь честного человека, бескорыстно считавшего вас своим другом?

Лесков. А... кого вы имеете в виду? То есть, я никак не вразумлю, о чем речь.

Филатов. Позвольте. (*Берет книгу у Василия Семеновича.*) Я думал, что могу в вашем доме рассчитывать на доверие, понимание... (*Ищет страницу.*) А вы использовали меня как натуру для списывания! Вот, нашел. (*Показывает в книге.*) Извольте объяснить теперь, на каком основании, по какому праву вы оскорбили мое достоинство. По вашей милости мне нельзя будет появиться на улице, чтоб не смеялись вслед.

Лесков (читает про себя). Помилуйте! Либо мне глазам своим не поверить? Что это вы несете такое? Если вы об этом месте (*показывает в книге*), так здесь дается описание моего героя, станового Васильева. К художествам он не имеет никакого отношения, он блюстителем, так сказать, общественного порядка.

Филатов (торжествующе). Вот! Так позвольте спросить, зачем вы в этом месте делаете сравнение с художником? (*Читает.*) «Ко мне на двор въехала пара лошадей в небольшом тарантасике, и из него выходит небольшой человечек, совсем похожий с виду на художника...» А?

Лесков (растерянно). Неужели ж вы не поняли, что это всего лишь литературный прием? Один из тех, о которых мы столько раз с вами же толковали? (*С досадой.*) Собственно, почему я должен объяснять?

Филатов. Я не так наивен, чтоб не узнать себя в этом портрете.

Лесков. Ах, вот что... Я, признаюсь, когда писал, и в мыслях не имел, что у иных пейзажистов могут быть общие черты со становыми на самом деле. Я как-то, по своей простоте, считал, что у служителей муз и стражей государственных законов больше различий, нежели общего. Стало быть, ошибка!

Филатов. Ваша ирония мне понятна. Что ж, я не умею отвечать тем же, но достоинство у меня есть. (*Роняет шляпу, поднимает ее.*)

Лесков (резко). Довольно толковать об этом. Извольте точно выразить, чего вы хотите от меня.

Василий Семенович. Извините, господа, я здесь лишний.

Лесков. Нет. Теперь уж я прошу тебя обождать. По всему, сейчас будет интересно. (*Филатову.*) Итак, чего вам нужно?

Филатов. Если кратко, то — вымарать этот текст.

Молчание.

Лесков (медленно). Когда печатали мой роман «Некуда», в нем вымарали чуть ли не четверть страниц. Он, как известно, прошел три цензуры, включая Третье отделение. В моей последней повести редактор «Отечественных записок» вычеркнул целые главы, не посоветовавшись со мной. — Я же не Тургенев! Собственно, что за беда убрать полстраницы, когда в других местах уничтожаются целые главы. Пустяк? (*После некоторого молчания.*) Да уверены ль вы, что это (*показывает в книге*) про вас? Пожалуй, сначала проверим. Ну-ка... (*Читает.*) «... Матовый, бледный брюнетик, с длинными, черными, прямыми волосами...» (*Разглядывает Филатова.*) Разве иметь такие волосы — стыдно? (*Пожимает плечами, продолжает чтение.*) «... С бородкой и с подвязанными черною косынкою ушами...» (*Разглядывает пристально Филатова.*) Вы подвязываете свои уши косынкой? Признаться, я не знал.

Филатов молчит, приняв оскорбленный вид.

(*Читает.*) «... Походка легкая и осторожная: совсем петербургская золотуха...» Ай-ай! Зачем вы сказали? Мы б и не знали о вашей золотухе. Интересно, о чем еще мы не знали? (*Продолжает чтение.*)

«...И мозоли...» У вас еще и мозоли! (*Смеется.*) Я-то думал, только у меня, с себя и списывал. Что дальше? (*Читает.*) «...А глаза серые, большие, очень добрые и располагающие...» Стало быть, только здесь я и соврал, а все остальное угадал верно. Ай, да Лесков! (*Явно издеваясь.*) Ведь похоже, а? (*Ходит вокруг Филатова.*)

Филатов. Теперь вы признали. Вы наблюдали за мной, списывали!

Лесков (остановившись). А я-то считал вас... Вы ведь, кажется, художник? Или уже нет? (*Помолчав.*) Если да, то знаете лучше других, что значит для нас натура. Что если, позвольте поинтересоваться, какая-нибудь кокотка вздумает предъявить вам претензии за то, что вы не приукрасили ее форм? Вы, что же, замажете свой пе-о-заж?

Филатов. Ваши аналогии с кокоткой оскорбительны, но я отвечаю. Своим натуращицам я плачу.

Лесков. Ах, вот в чем все дело! Отчего, милейший, вы не сказали сразу? И какой же счет вы предъявляете за каждую вашу замечательную черту? Например, за тряпку на ухе?

Филатов. Прошу не перевертывать моих слов. Это уж из ряда вон. (*Опять роняет шляпу, Василий Семенович помогает поднять.*)

Лесков. Так с вашей стороны нелогично. Вы должны быть заинтересованы в увеличении гонорара. Думаю, к описанию можно еще прибавить. К примеру, то, что мой герой при близком знакомстве обнаруживает весьма ограниченную способность думать, когда надо. Вдобавок имеет болезненную мнительность. У него мания подозревать вокруг себя насмешки. Приглядишься — окажется еще и завистлив, как все, мечтающие в гении.

Филатов (сквозь слезы). Довольно! Вы издеваетесь.

Лесков. Он, конечно, художник лишь по названию, а на самом деле ему лучше бы перейти в разряд блюстителей порядка. Из людей такой породы выходят лучшие в России цензоры!

Филатов. Я оскорблен до глубины души вашими словами и поведением. Прошу не считать меня с этих пор вашим другом. Я шел и надеялся...

Лесков. Послушайте, любезный. Художник не тот, кто машет кистью, а тот, кто и в другом уважает художника. Тут я в вас ошибся, поэтому вон из моего дома.

Василий Семенович. Николай, мне кажется, здесь какое-то недоразумение.

Филатов, ничего не возражая, взмахнув руками, почти выбегает из комнаты.

Лесков. Клянусь тебе, что и в мыслях не было изображать его. Ну, схватил две-три черты... Чисто внешние! Не смешно ли?! И всего-то пять строчек на девяносто глав! Кто б обратил внимание! А я его считал художником.

Василий Семенович (потрясенно). Ну, брат... Это ты, пожалуй, слишком строго. Он расстроился...

Лесков. Так что же? Сам-то он тоже с природы пишет, а когда самого коснулось, (да и не коснулось ведь), так захотелось, чтоб его непременно образцом вывели! А все бездарные критики да приятели, что захваливают не в меру! Такой и возомнит вдруг себя гением, может, и возомнил уже.

Василий Семенович. Он молод.

Лесков. Именно. А уже хочет, чтоб его Айвазовским считали. Тут не художник, а человек может пропасть.

Василий Семенович. Все же... жалко его как-то... Пришел к нам в дом...

Лесков. Ведь не гостем он пришел, а с претензией. Не разобравшись, уже требует! (*Помолчав.*) Мне вот-вот будет сорок. Полжизни, считай, прошло. Что я нажил за эти годы? Ни-че-го. Только и есть у меня желание писать да то, что написано. И то требуют сокращать, урезывать, вымарывать. А приглядишь — кто цензоры у нас? (*Твердо.*) Нет уж, господа, не выйдет. Не вычеркну с этих пор ни единого своего слова, хоть разом все на меня навалитесь. Падать буду, а не поддамся!

Неожиданно под Василием Семеновичем разваливается стул, он падает.
Василий Семенович. Ай!
Лесков (подбегая). Что? Что? Ушибся?
Василий Семенович. Кажется, ничего. Нога немножко.
Лесков (кричит). Степановна!
Входит Степановна.
Степановна! Василий ушибся. Нужно за доктором!
Василий Семенович. Нет, нет, не нужно. Пустяки, не беспокойтесь. Я сам.
Лесков. Что такое? *(Поднимает обломки.)* Тут я не виноват. Видимо, развалилось от времени. Сегодня же все починю.
Вбегает Вера, что-то шепчет Василию Семеновичу, убегает.
Василий Семенович. Позволь, брат, я выйду. Меня зовут в детскую. Мы там костюмы делаем. *(Извиняющимся тоном.)* Дети хотят сегодня рыцарей показывать.
Лесков. Каких рыцарей?
Василий Семенович. Ты сам говорил: актеры сегодня вечером будут.
Лесков. Ах, да! Я совсем забыл. Помоги им, брат, я на это не мастер.
Василий Семенович уходит.
Степановна (усаживается за вязание). Вот и Василию досталось. Хорошо, совсем не ушибся, а далеко ли до беды? Про то и говорила тебе. Что молчишь? *(После некоторого молчания.)* Послушаешь ли совет старой няньки? Катерину Степановну так не растеряй, вот что тебе скажу. Редкая женщина. Чистое золото.
Лесков. Знаю.
Степановна. Знать-то знаешь, а делаешь по-своему, как самому нравится. Каково ей твои подвиги наблюдать? Того и гляди, всех ближних разгонишь. Вера — дочь твоя, а уж боится тебя. «Страшный», — говорит. Теперь Ольга нагрязнула, как снег на голову, прости меня, Господи! Люди судачат, опять же Катерине Степановне по сердцу. Терпеливая она, а много ли смеется у нас?
Лесков. Ольгу я не звал, сама приехала. Что сделаешь, теперь помогать надо, не бросить же, все-таки дочь у нас. Врачи говорят, совсем плохо.
Степановна. Как же, святое дело. Я не про это. А все-таки скажу. Как случилась с ней беда, так не к кому-нибудь, а к тебе приехала помощи искать. Выходит, ты лучше других оказался.
Лесков. Ладно, Степановна, что говорить? Все это уже в прошлом. Катерина Степановна понимает.
Степановна. Гляди. Хотя и понимает, а все-таки женщина. *(Вздыхает.)*
Лесков. Подождите. Вот только выбьемся из бедности, все у нас будет по-другому. И смех будет, и праздники. Растерялся я сам от неурядиц, оттого, что вижу, как детям есть нечего. Мальчиков надо готовить в гимназию. Ольгу лечить. Вера не привыкла, чтоб ей в чем отказывали. Еще маленький... И все на меня глядят, от меня ждут. Перед Василием стыдно. Подождите. Немного осталось уже.
Степановна. Это чего ждать-то? Не пойму.
Лесков. Гонорар большой. Может, даже сегодня решится.
Степановна. А! Дай Бог. Увидеть бы, что это такое — гонорар.

Картина третья.

*Заседание комитета Литературного фонда.
На столе самовар, чайные приборы. В комнате те же.*

Председатель. Внимание, внимание, господа, осталось немного, всего несколько строчек. *(Читает.)* «...Утомленный тяжкою работою по сочинению, я тотчас же по

его прекращению не дал себе ни минуты отдыха и сел за окончание начатой драмы для театра «Расточитель»...

Реплика. Не Толстого ли решил обойти?

Председатель (продолжает чтение). «...Три акта этой пьесы готовы — два остальных я надеюсь дописать к будущему сезону; в допущении ее на сцену не сомневаюсь...»

Реплика. Нам бы такую уверенность, господина.

Председатель (продолжает). «...Но угрожающая привычка питаться, от которой до сих пор меня не отучила жизнь русского литератора, заставляет меня, отложив листы сочиняемой драмы, писать на этом листе к вашему превосходительству это письмо с просьбою помочь мне...»

Господин в сером. Однако как излагает: «Привычка питаться, от которой не отучила жизнь». Что ни говорите, а в крайнем состоянии таким слогом не пишут.

Господин в черном. Все те же претензии на достоинство!

Председатель. Внимание, господина, еще не все. Выслушайте до конца. (*Читает.*) «...Я прошу Литературный фонд обеспечить мне пять месяцев жизни, ссудив меня пятьюстами рублями серебром, которые обязываюсь выплатить к новому году с десяти процентами в пользу фонда. Средств же не умереть с голода и продолжать работу без такого пособия решительно не вижу...»

Реплика. Что ж службу оставил? Другие служат.

Председатель (продолжает). «...С высоким уважением к вам имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою Николай Лесков». (*Откладывает бумаги.*) Теперь все. (*Пьет из стакана.*) Что будем делать?

Господин в сером. Однако — пятьсот рублей! Высоко ценит господин Лесков свою привычку питаться. Он, наверное, желает уравниваться с нашими образцами: Тургеневым и Толстым.

Господин в черном. Вряд ли удастся. Тургенев уже занят постройкой особняка возле Виардо под Парижем. Слыхали? Этот всех обскакал.

Председатель. Господина! Не отвлекайтесь.

Господин в сером. Я все же не понял: Лесков просит или требует от нас денег.

Председатель (стучит карандашом о стакан). Оставьте иронию, господина. Вопрос серьезный, мы должны принять решение. Прошу всех высказываться.

Господин в сером. Я знаю, зачем Лескову надо денег.

Господин в черном. Разве не затем, что и другим?

Господин в сером. Думаю, не каждый способен содержать двух жен сразу.

Председатель. Что такое?

Господин в сером. К Лескову приехала его первая жена с дочерью. А у него здесь — другая! Факт, как понимаете, скандальный. Он находит естественный выход — упекает первую в сумасшедший дом.

Господин в светлом. Неужели правда?

Господин в черном. Я тоже слышал.

Господин в сером. Уже неделя, как только и говорят об этом.

Председатель. Не вижу связи с предметом обсуждения на нашем заседании, господина. Мало ли, что говорят.

Господин в сером. Связь очевидна. Вы думаете, ее содержат в лечебнице из уважения к Лескову? Это, наверное, стоит денег, и немалых! Кстати, вот и мораль наших плодотворных романистов.

Председатель. Да... Факт компрометирующий. Надо бы проверить. Вы же знаете, что у нас иногда факты перевираются невероятным образом.

Господин в сером. Я лишь передал общее мнение. Но все это не противоречит характеру господина Лескова, для которого не существует правил.

Быстро входит Удалов. У него забинтована голова.

Удалов. Прошу прощения, господа, за то, что опоздал.

Реплики. Опять история? Что у вас с головой?

Удалов. Побит, господа. Избит свиньей.

Общее недоумение.

Господин в сером. Как вы сказали? Разве теперь свиньи дерутся?

Господин в черном. Где происходят такие чудеса? Очень интересно.

Удалов. В доме на Фурштадской улице, что возле Таврического сада.

Председатель (заглядывает в бумаги). Странное совпадение. Не тот ли это дом, где проживает господин Лесков?

Удалов. Тот самый, господа. Именно! А свинья и есть Лесков, господа. (*Показывает голову.*) Хочу взять медицинское освидетельствование прямо после заседания.

Господин в черном. Отчего же сразу не взяли?

Удалов. Литературные обязательства для меня превыше всего.

Господин в черном (иронично). А-а...

Председатель. Ну и ну. За что он вас?

Удалов. Уж об этом он один знает. Пригласил меня к себе, я подумал, важное дело, и — вот...

Господин в сером. Но должно же быть какое-то объяснение?

Удалов. Во всех делах этого сочинителя причина одна — его вздорный характер. Советую вам никогда не иметь ничего общего с этим господином. Лучше вообще не называть его имени! Одно невежество. Имей я власть, немедленно посадил бы в острог, а лучше — в известную лечебницу, где теперь находится бывшая его супруга. Только там, видно, и может укрыться от его домогательств. Хорошо б туда же и все его романы.

Господин в черном. Ха-ха! Вы заговорились. Можно ли — романы? В сумасшедшем доме тоже найдутся читатели.

Удалов. Не смейтесь. Вы не были в моем положении.

Господин в черном. Не надеюсь быть. Я всегда знаю, с кем иметь дело. Кстати, не я ли вас предупреждал о том, чтоб вы поменьше доверяли всяким слухам, например, об отношении писателя Лескова к Третьему отделению. Ведь вы сами знаете, что это клевета. Тут уж, извините, сами вы и напросились...

Господин в сером. Господа, это уже не относится к вопросу, мы договорились короче.

Господин в черном (Удалову, язвительно). А вспомните, как вы искали роман «Некуда», чтоб почитать.

Удалов. И Достоевский прочитал, что с того. А потом и сказал, что эту книгу надо сжечь рукою палача.

Господин в черном. Не сочинили ли вы это прямо сейчас? А слухи так и появляются, между прочим.

Удалов. Ничуть не бывало. Знаю из верных источников. И нашлись же издатели, которые опять согласились печатать.

Господин в черном. Найдутся и те, кто будет читать.

Удалов. Вы как будто нарочно дразните!

Господин в черном. Ничуть. Пытаюсь лишь установить справедливость, так как мы теперь решаем вопрос о денежном вспоможении писателю Лескову. Вы, надо сказать, очень кстати со своей историей.

Удалов (в крайнем удивлении). Может ли такое быть, господа? (*Садится, опять встает.*) Вы разыгрываете?

Председатель. Вот. (*Показывает бумаги.*) Заявление от Лескова. Просит помочь в бедности.

Удалов. Разве можно, господа?! Само рассмотрение такого дела нас всех компрометирует, это же ясно! Вспомните, что сказал Писарев: ни один уважающий себя литератор руки не подаст Лескову.

Господин в черном. Обождите. Вам бы с вашим пафосом лучше быть судебным обвинителем, чем здесь. Кроме вас, все поняли: Писарев имел в виду одних лишь литераторов—революционеров. Надеюсь, вы еще не в их компании?

Удалов. Однако!..

Господин в черном. Мы должны быть объективны в суждениях, сейчас наш долг в этом. Да. Может быть, Достоевский и сказал. Вчера. А сегодня он усадит Лескова с собою за стол и произнесет тост в его честь. Даже не сомневаюсь в этом, если сравнить пафос их сочинений. Можно ли брать во внимание высказывания тех, у кого семь пятниц на неделе? Эти господа никогда и ни в чем не соблюдают правил.

Удалов. А — критики? Как же игнорировать их мнение?

Господин в черном. Что, вы не знаете до сих пор, что критика наша тенденциозна? Не будем разыгрывать хотя бы друг перед другом. Чернышевские ополчились на Лескова за его несогласие с их социальными теориями. Что до читателей, то роман «Некуда» имеет успех, коему мы с вами можем и позавидовать.

Удалов. Вы поддерживаете Лескова?! А моя голова?!

Господин в черном (про себя). Даю свою на отсечение, что повязка лишь для эффекта.

Председатель. Как председательствующий, призываю вас к объективности, господа. Не забывайте, что мы находимся, так сказать, на нейтральной территории, где должны примиряться все направления. (*Внушительно.*) А также амбиции, господа. Прошу вас взвешивать каждое слово. Повторяю: мы должны решить вопрос о поручительстве.

Удалов (оскорбленно). Я высказал все. Считаю ниже своего достоинства повторяться.

Господин в сером. Считаю также невозможным поручиться за господина Лескова. Вспомните, в каких изданиях он печатался: «Русская речь», «Современная летопись», «Эпоха», «Библиотека для чтения»... Теперь - «Отечественные записки». С кем все-таки Лесков? Мне нужно знать, за кого я поручился.

Председатель. Еще раз повторю: принадлежность к направлению не может быть (*подчеркнуто*) официальной причиной нашего отказа. Тем более что литератору не всегда удастся устроить свое сочинение, куда хотелось бы. Хорошо лишь тем, у кого свои журналы. Вот если бы отменили гонорары, тогда мы уж точно знали бы направление.

Господин в светлом. Совершенно справедливо! Совершенно! Приходится отдавать, где берут. Жить надо! Выбирать, господа, не по карману!

Удалов (вскакивая). Вы тоже защищаете?! От вас, уважаемый, никак не ожидал. Где ваша хваленая принципиальность? Не удивлюсь, если однажды вы узнаете себя в ком-нибудь из персонажей защищаемого вами писателя. (*Господину в черном.*) И вы напрасно сидите паинькой. Лесков из тех, кому еще никто не угодил, вряд ли вы будете исключением. Вот (*показывает на голову*) — за мою порядочность и самое что ни есть тактичное обращение!

Господин в черном (в сторону, но слышно). Как с вашей порядочностью вы еще не хромаете...

Председатель. Господа! Не переходите на этот тон. Прошу по существу.

Молчание.

Господин в сером. Хочу напомнить, что к нам вот-вот обратится Достоевский с такой же просьбой о денежном вспоможении.

Председатель. Откуда известно? Достоевский сейчас за границей.

Господин в сером. Совершенно верно. Проводит в Бадене медовый месяц с молодой женой. Еще играет там в рулетку. Разве вы не слыхали, что он заядлый игрок?

Председатель. И что же?

Господин в сером. Там с ним уже произошло событие.

Господин в светлом. Расскажите, мы ничего не знаем.

Господин в сером (выдерживая паузу). В первый же день выиграл небывалую сумму — около двухсот франков.

Господин в светлом (восхищенно). Господа! Это целое состояние!

Господин в сером. Погодите завидовать. Он купил жене подарков, конфет и еще шестьдесят пять белых и красных роз впридачу. — Щедрость наших бедствующих литераторов известна.

Господин в черном. Отчего только шестьдесят пять, а не сто, например?

Господин в сером. По количеству лет: ему — сорок пять, ей — двадцать, всего и выходит шестьдесят пять.

Господин в черном. Убедительно. Наши романисты и в жизни не могут без аллегорий. Однако признайтесь, что эту арифметику вы сами придумали.

Господин в сером. Так разве не очевидно? Не забывайте, что эти аллегии, как правило, стоят денег.

Господин в светлом. Что же дальше?

Господин в сером. Дальше самое интересное. На другой день Достоевский все проиграл.

Господин в светлом. Все-все?

Господин в сером. Даже больше. Проиграл и состояние, выигранное накануне, еще украшения, что были у невесты, а вдобавок — обручальные кольца, свое и жены.

Господин в светлом. Разве такое возможно?

Господин в сером. Великим все позволено.

Господин в черном. Ха-ха! Самому к каторжной жизни не привыкать, теперь устроил каторгу двадцатилетней супруге в медовый месяц! Жаль, что я не романист, здесь целый сюжет!

Господин в сером. Вот и подумайте: к кому, как не к нам, обратится теперь Достоевский. Тургенев ему больше не даст.

Господин в черном. Логично. Ведь Достоевский не вернул еще долга Тургеневу?

Господин в сером. Смешно даже предполагать. Об этих пятидесяти талерах складывают анекдоты.

Господин в светлом. Какой позор! А пишут о нравственности!

Председатель. Господа, прошу вас, ближе к делу.

Господин в сером. В том и состоит дело. Нам нужно выбирать между Лесковым и Достоевским. — Фонда на обоих не хватит.

Председатель. Достоевский еще не обращался.

Удалов. Обратится непременно! Совершенно ясно. Неужели ж откажем Достоевскому и предпочтем Лескова? Можно ли сравнивать!

Господин в черном. Сравнить как раз можно. Почему нет? Общего очень даже много. — Оба хотят жить на широкую ногу за чужой счет. Оба ни в чем не знают меры. К Лескову приезжает первая жена, а Достоевский, женившись во второй раз, еще получает письма от любовницы...

Господин в светлом. От Суловой?

Господин в черном. Даже вы знаете, хотя заняты театрами. Но сравним еще. Толстой дарит свои гонорары актерам, а Тургенев...

Господин в светлом. Мы говорили о Лескове.

Господин в черном. Вот именно, какая разница? Одно и то же. Из вас, господа, кто купит своей супруге столько роз? Не кому-нибудь, а именно законной жене? Признайтесь откровенно.

Господин в сером. Зато мы и не просим. Я, между прочим, свой долг вам вернул.

Господин в черном. Отлично помню. Или вы думаете, я забыл о своем? Но сейчас речь не о нас с вами. Так вот. При прочих равных лично я выбираю Достоевского по одной причине: его сочинения, кажется, сомнений не вызывают. Привезет он из Бадена новый роман, и наверняка привезет «Игрока» какого-нибудь. Ему журналы не откажут, еще и выбирать будет, кому лучше отдать. Каково вам тогда писать о художественных открытиях, если сейчас ему откажете?

Молчание.

А у Лескова — бабушка надвое сказала.

Удалов. Я тоже.

Председатель. Что?

Удалов. За Достоевского.

Председатель (неуверенно). Он не обращался.

Господин в сером. Не забывайте, что еще Гаврилов в долговой яме.

Председатель. Уже?

Господин в сером. Будет непременно.

Удалов. Свой человек!

Председатель. Подождите о Гаврилове. У нас конкретный вопрос. Кто еще не высказался о Лескове?

Господин в светлом. Я — как большинство. Какой смысл выступать против?

Председатель. Хорошо. Высказались все. Будем голосовать?

Внезапно раздается громкий бой часов. Все вздрагивают и оборачиваются.

Остановите их совсем, господа. Бьют, когда им вздумается. Нужно позвать мастера.

Господин в черном (останавливая часы). Опять забежали вперед.

Председатель. Это мы топчемся на месте. Давайте решать. Итак. Ни один из нас не поручается за господина Лескова на основании... (*Задумывается.*) И все же... Не отложить ли до тех пор, пока все члены комитета соберутся?.. Что если отсутствующие не согласятся с нашим решением?

Господин в сером (поднимая палец вверх). Вы об этих?

Удалов (перебивая). Разве их мнение первое? И, уверяю вас, никогда не соберутся. Они-то всегда или за границей, там поправляют свое здоровье, или в своих имениях заняты великими сочинениями, или... Да что там говорить! Одни мы всегда на месте. Какой смысл откладывать?

Председатель. Однако Лескова читают, вы сами говорили. Пожалуй, не меньше, чем Достоевского. А на кого у нас не пишут критику? (*Думает.*) Все же надо хорошо подумать, не будет ли наше решение противоречить, так сказать, значению его сочинений в будущем?.. Думайте, господа, думайте! Ведь можем тоже в историю попасть... литературы...

Удалов (с пафосом). Если мое мнение, господа, здесь ничего не значит, так я во все выйду из комитета. Решайте своим голосом.

Председатель. Такого права не имею. (*После молчания. Не совсем уверенно.*) Как сформулировать?

Господин в черном. Объяснение причин не требуется по форме. Мы должны изложить лишь постановляющую часть.

Председатель. Верно. Значит, запишем так (*пишет*): «Комитет Литературного фонда находит, что ссуда не может быть выдана господину Лескову, так как ссуды

выдаются лишь за поручительством членов комитета. Желавших же принять на себя поручительство за господина Лескова в Комитете никого не оказалось...» Так. И еще несколько предложений... (*Пишет.*) Нужно расписаться.

Расписываются.

Повестка дня исчерпана. Осталось познакомить с нашим решением господина Лескова.

Удалов. Позвольте, я это сделаю. Я сейчас же могу передать.

Господин в светлом. Зачем так срочно? Приглашаю теперь всех ко мне на ужин по случаю получения гонорара. Шампанское лучшего качества!

Удалов. Ничего, я успею. Я хорошо знаю адрес.

Господин в черном (усмехаясь). Еще бы.

Председатель (подумав). Хорошо. Вы избавите нас от лишних хлопот. (*Запечатывает конверт.*) Все. (*Передает конверт Удалову.*)

Господин в светлом. Постарайтесь скорее, будем вас ждать!

Господин в черном (вслед). Да не забудьте повязку снять, ведь теперь у вас настроение другое. Берегите ноги!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая.

Теплый майский день. Больничный сад. На аллее Лесков и Ольга Васильевна.

Ольга Васильевна. Как Вера?

Лесков. Мне кажется, ей у нас немного скучно. Но она привыкнет.

Ольга Васильевна. Вере нужна хорошая гувернантка. И еще не забывай: у нее может быть моя наследственность. Ее нельзя излишне беспокоить.

Лесков. Вера много гуляет в саду. Степановна учит ее рукоделию, у нее свои приемы воспитания.

Ольга Васильевна (остановившись). Рукоделию? Зачем это?

Лесков (несколько смутившись). Ну, вязанью, что ли. Говорят, это занятие хорошо успокаивает нервы.

Ольга Васильевна (возмущенно). Ты позволил деревенской прислуге заниматься нашей дочерью?

Лесков. Нет, нет, не беспокойся. Это так, изредка только. У нас будет француженка. И музыке, и танцам, всему учить будем. Уже дали объявление.

Ольга Васильевна. Может быть, у тебя нет денег? Я ничем не могу помочь, мы совсем разорены.

Лесков (помолчав). Если сказать правду, мне сейчас трудно. Но я жду со дня на день, должен получить большую сумму.

Ольга Васильевна. Значит, ты не беден? (*После молчания.*) У тебя, я слышала, были какие-то неприятности в литературе?

Лесков. Беда целая. Не думал, не гадал, что так получится. За роман «Некуда» изругали все: и критики, и писатели, а прочие - за компанию. Обвинили во всех грехах. А читали, между прочим, нарасхват, и сейчас готовится второе издание.

Ольга Васильевна. Так в чем же дело?

Лесков. Как тебе объяснить?.. Осудил нигилистов наших: показал, чего они стоят на самом деле. Их авантюры, пустозвонье... Не угодил в этом социалистам, вдруг решили узнавать себя. Еще монахов не так показал. Я ведь об их жизни не понаслышке знаю.

Ольга Васильевна. У тебя, кажется, тетка — игуменья?

Лесков. Агния... С детства врезалась мне в сердце история, как они молоденькую монашку поедом заедали. Изворотливо так, с подходами... За то только, что природою была ей дана красота необыкновенная. А наш мужик деревенский возьми, да и влюбись в нее. Так они каждый день ей внушали, что красота — грех ее тяжкий. Бедняжка не знала, как лицо свое обезобразить. Лишний раз поглядеть боялась — вот как заметят!.. Я эту историю еще смягчил в романе.

Ольга Васильевна. Всего-то? За что же тут ругать?

Лесков. Еще дам современных не так показал, тех, которые в эмансипацию ударились да изображают из себя существ фееподобных и развращают сознание молодых девиц... Художники обижаются... Все ж хотят, чтоб их образцами выводили.

Ольга Васильевна. А ты и выводи.

Лесков. Не умею. Такой я натуралист. Вот, погляди: и на дереве есть сухие, ненужные ветки.

Ольга Васильевна. Это правда.

Лесков. Так от того, что я укажу на них, дерево не умрет. А если обломать плохие, так оно еще краше станет. Не понимают! (*Помолчав.*) Или кому-то кривые деревья больше по нраву.

Ольга Васильевна. По мне, так тут нет никакой беды. Оставь свои романы, займись службой. Все прибыльней.

Лесков. Не получится теперь. Сорвался я отовсюду, а назад воротиться, что в реку во второй раз. Далеко вода утекла. Не могу писательство оставить — душой прирос к этому делу. Хочется рассказать, как понимаю жизнь я, что люблю, что не по сердцу мне. Может, кому-нибудь и пригодится... (*Всматривается вдаль.*)

Навстречу идет женщина в монашеской одежде.

Кто это?

Ольга Васильевна. Монахиня наша, Анна.

Лесков. Зачем она здесь?

Ольга Васильевна. Анна? Разговаривает с нами, больными, о грехах наших. Рассказывает, кому что суждено. Учит, чтоб не роптали, смиренно ждали кончины, приготавливались к ней. Все скоро умрем. Недолго и мне осталось...

Лесков. Что ты говоришь такое? Разве об этом сейчас думать надо? О жизни думай, доктор сказал, поправишься ты.

Монахиня проходит смиренной походкой, строго взглянув на Ольгу Васильевну.

(*Про себя.*) Значит, и здесь есть такие. (*Громко.*) Это она тебе глупости внушает?

Ольга Васильевна. Тише, тише! Что ты! Вера услышит.

Лесков. Какая Вера?

Ольга Васильевна. Дочь наша. Видишь: идет к нам.

Лесков. Где?

Ольга Васильевна (огорченно). Не туда смотришь. Ты не узнал Веру... Но отчего на ней мое подвенечное платье? Я спрятала, чтоб никто не нашел. Скажи ей, чтоб сняла, она послушает тебя.

Лесков. Ольга, очнись! (*Берет ее за плечи.*) Что ты? Здесь нет Веры.

Ольга Васильевна (очнувшись). Мне показалось. Ты знаешь, мне теперь часто кажется так. Я себе уже не верю. Говорю с тобой, а не знаю, правда ли это.

Лесков. Правда. Это правда.

Ольга Васильевна. Тогда сядем. (*Садятся на скамейку.*) Я очень ждала тебя, Николай, чтоб сказать важное... Может, в последний раз понимаю, что говорю, торопиться нужно.

Лесков. Да выбрось мысли эти совсем!

Ольга Васильевна. Не перебивай. Здесь первое мое слово, а ты слушай. Много я передумала о нашей жизни. Хочу покаяться перед тобой.

Лесков. О! Тогда и мне нужно. Я, может, больше перед тобой виноват.

Ольга Васильевна. Как хочешь, а я о своем скажу. Знаешь ли ты, Николай, отчего я согласилась выйти за тебя?

Лесков. Ну... Как же...

Ольга Васильевна. Не отвечай, я и сама тогда не знала: то ли от глупости, то ли от отчаяния... Я замужество по-своему понимала. Время мое выходило. «Засиделась», — говорили. Я театры любила, а выезжать с маменькой уж стыдно было... Хотела, чтоб подружки завидовали. Тут и ты вдруг: молодой, веселый, богатый. Всем хорош. Я и не раздумывала.

Лесков. Что вспоминать теперь? Зачем?

Ольга Васильевна. Ты слушай... Как увидела я тебя тогда, так сразу представила жизнь свою с тобою, как яркий праздник: наряды, музыка, веселье, танцы... И с первой встречи каждую минуту жила в ожидании этого праздника. Ожидание это и было моей любовью... А ты меня вместо театров — да в деревню. Не могла я высказать, оттого капризничала и тебя мучила. Погляжу вокруг — мухи, коровы, мужики грязные... Вдруг и заплачу. Скажу: «Голова болит». Степановна начнет хлопотать, а мне еще обиднее, слезы хуже польются... И наряды мои — все серое, домашнее... А ты никогда и не заметил...

Лесков. Отчего не сказала ты мне тогда? Об этом пустяке? Ведь любил я тебя, а не наряды твои.

Ольга Васильевна. Боялась. Ты ведь горячий. Да разве б ты понял? Вот и сейчас сказал, что пустяк. Не можете вы, мужчины, догадаться, что для женщины такая мелочь, как платье новое, может всю жизнь изменить. Может быть, хандра моя и прошла б оттого.

Опять показывается монахиня, Ольга Васильевна замечает ее, как будто пугается.

Молодость была и глупость. Теперь, перед судным днем, о другом думать надо. Молиться непрестанно и каяться, каяться. Я и покаюсь перед тобой. Хорошо... Вижу — идут уже за мною... Огни горят... (*Встает.*) Видишь ли ты? (*Показывает в сторону Анны.*)

Лесков. Там нет ничего, тебе показалось.

Ольга Васильевна. Огни! Костры жаркие!.. Ах, жарко становится, душно... В голове моей все кружится... (*Покачнулась.*) Кружится...

Лесков (поддерживает Ольгу Васильевну.) Ольга, очнись, я здесь, с тобой!

Ольга Васильевна (кричит). Вот они! Сюда! Ближе! Прочь от меня все! Я огня хочу! Платье красное дайте! Наденьте мне скорее, я кружиться буду! (*Начинает кружиться.*)

Подбегают санитары, уводят Ольгу Васильевну.

Ольга Васильевна (кричит, обернувшись). Прости! Прости!

Лесков. Господи! Сжался над душой ее...

Подходит монахиня Анна.

Анна (строго). Что стоишь, мил человек? Отчего креста на себя не наложишь? Много, видно, греха на тебе. Давно ли в церкви был? А надо, надо.

Лесков (как бы очнувшись). Это ты? Что говоришь?

Анна. Перекреститься надо. От греха. Молитву прочитать.

Лесков смотрит исподлобья.

Нехорошо смотришь. Вижу — тяжело тебе. А ты покайся. Больная душа в раскаянии очищается.

Лесков (медленно). Откуда тебе про мою душу знать? Тут не все больные, я здоров.

Анна. Гордые слова твои.

Лесков (постепенно раздражаясь). А ты б хотела, чтоб я плакался? Не любите вы веселых да здоровых, а?

Анна. Нельзя говорить так.

Лесков. Отчего же? Лицемерить — грех, а я говорю, про что думаю. Отойди, прошу по-хорошему, не вводи в новый грех. Не пойму я что-то у вас: хорошо ли больных людей пугать? У иных еще целая жизнь впереди!

Анна. Не об этой жизни думать надо, ох, не об этой.

Лесков (медленно). О чем думать мне, про то Господь подскажет. Одному ему известно, что будет с нами. А тебе еще раз повторяю: не смей говорить с моею женою о ее болезни. Есть у нее заступники. Господь ей помогает, не твоя это забота. А не то... (Нечаянно ломает прут, что держал в руках.)

Анна спешно уходит.

(Громко.) Господи! Прости за дерзкие слова мои! А если не прав я, отчего не разверз ты землю подо мною при словах моих, отчего не являешь знак свой?..

Сзади незаметно подходит Григорий.

Григорий (громко). Доброго здравия, Николай Семенович.

Лесков (медленно оборачивается). Григорий? Ты, что ли?

Григорий. Не признали? Так это я окрасился с утра. Для смеху.

Лесков. Ты здесь зачем?

Григорий. Я завсегда прихожу. Гонят отовсюду, Николай Семенович, а здесь иные слушают.

Лесков. А ты и впрямь обрядился, что не узнать.

Григорий. Роль такая. Сам придумал.

Лесков. Для чего тебе?

Григорий. Как сказать... Для порядка. Доброй песне и декорация требуется, это понимать надо. К примеру, вот. *(Становится в позу, поет.)*

«Ехал на ярмарку ухарь-купец!
Ухарь-купец, удалой молодец!
Ой, да люли, ой, да люли!..»

Из окон больницы выглядывают санитары.

Голоса. Гришка! Поди прочь! Нельзя здесь!

Григорий. Где ж можно, господа хорошие? *(Лескову.)* Вот видите...

Молчание.

Лесков. Есть место для тебя, Григорий.

Григорий. Так укажите.

Лесков. В театр тебе надо.

Григорий. И вы смеетесь, Николай Семенович! Куда мне... Я неученый...

Лесков. Ну, Григорий, еще пуще меня удивил. И ты — туда же! «Неученый!» Кто тебе-то сказал, что человеку непременно аттестат нужен?

Григорий. Как же. Если из невежества, то в одном только месте и привечают — в трактире, да и то, когда копейка имеется. Еще, правда, за песни могут.

Лесков. Да не ученость артисту прежде нужна, а талант! И чтоб ты сам себя уважал за это. «Неученый!» Так только может рассуждать сваха какая-нибудь, что на киселе гадает. А станешь ты петь, баба эта глаза вытаращит, потом, глядишь, и слезу утрет... Ведь ты умеешь.

Григорий. Умею. Многим очень даже нравится.

Лесков. Теперь вот окрасился ты.

Григорий. Ошибка вышла. Оказия, да и только.

Лесков. Неправда. Кто еще сумеет, как ты, людей развеселить?

Григорий. Это бывает. Иные смеялись. Даже монету сегодня дали, стало быть, за талант.

Лесков. Вот и получается, что ты умеешь то, чего не могут другие, в этом ты лучше других. Книжек можно много прочитать, таланту от того не прибавится. Слышал про Левшу, что блоху подковал?

Григорий. Блоху? Разве можно?

Лесков. Есть такой умелец! А ведь университетов не оканчивал! Вот напишу про него, чтоб все знали.

Григорий (помолчав). Позвольте спросить, Николай Семенович, откуда вам про все известно бывает? К примеру, про сваху?

Лесков. Какую?

Григорий. Что гадает?

Лесков. Так это я к слову, к примеру только.

Григорий. Хитрите вы, все знаете!

Лесков. Может, я и больше твоего знаю, а песню, как ты, ни за что не спою. Выходит, равные мы с тобой: ты в одном сильней, я — в другом. «Неученый!» Будешь говорить так, пропешь таланты свои, и все.

Григорий. Разве на театрах не пьют?

Лесков. Отчего же, случается.

Григорий. Освистать могут.

Лесков. Могут. Зато там и учить будут, если захочешь. А станешь учиться — сам государь придет на тебя смотреть. Так-то!

Григорий. Шутите вы или всерьез?

Лесков. Сколько великих актеров вышло у нас из крепостных! Не все сразу учеными были. Будет охота у тебя — приходи. Есть у меня знакомые артисты, покажешь им свои умения. А если у меня получится, так напишу для тебя роль.

Григорий. Что ж, можно! Николай Семенович, поглядите, я колесом выучился! *(Делает стойку на руках, падает.)* Я еще петухом могу! *(Показывает.)*

Оба смеются.

Лесков. Сам не знаешь ты, как здесь нужен! Да что поделать — не понимают нас с тобой!

Картина пятая.

На квартире у одного из литераторов. Небогатая обстановка.

На столе шампанское, закуска. За столом Председатель, Господин в черном, Господин в сером, Господин в светлом. Едят, пьют.

Господин в сером (с бокалом в руке). Господа! Поговорим, наконец, о высоком!

Господин в черном. Не возражаю. Определите тему.

Господин в светлом. Предлагаю о Пушкине.

Господин в сером. Отлично. Очень своевременно. Так сказать, репетиция перед ожидаемыми торжествами.

Господин в светлом. Кто для нас Пушкин, господа?

Господин в сером (заметно пьян). Мне кажется, что Пушкин, прежде всего — «Памятник».

Господин в черном (аплодирует). Bravo! Вы сегодня на удивление красноречивы. За вами нужно записывать.

Господин в сером. А вы опять не поняли. Я имел в виду стихотворение. *(Декламирует.)* «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, К нему не зарастет народная тропа!...»

Господин в светлом (продолжает с пафосом). «...Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа!..» Какая смелость, дерзость, способность бросить вызов самому... самому... Вот качества, отличающие большого поэта!

Господин в черном. Добавьте еще немалую долю самонадеянности. (*После некоторого молчания.*) Я не прав?

Председатель. Победителей не судят.

Господин в сером. Я считаю, что не один Пушкин достоин у нас, в России, всенародного признания. Только не каждый поэт умеет, как он, сказать о себе вслух.

Господин в черном. Вы знаете равных Пушкину? Любопытно. Не себя ли имеете в виду? В таком случае предлагаю тост за вас!

Господин в сером. Я еще не поэт.

Господин в черном. Кто ж вам мешает?

Председатель. Господа, оставьте этот тон, ни к чему в нашей компании!

Господин в светлом (Господину в черном). Вы все всегда принижаете. Вам, осмелюсь заметить, никто не угодил: ни Пушкин, ни *Лесков*. Кого цените вы? Вы ведь и у Пушкина только что нашли изъян?

Господин в черном. Желаете знать, кого я уважаю? (*Подчеркнуто.*) Гаврилова.

Дружно смеются.

Господин в светлом (обиженно). Невозможно вести беседу с теми, кто всегда себе на уме.

Господин в черном. Отчего вы не поверили? Гаврилова уже за то можно уважать, что он никому не вредит. В наше время исключительное качество!

Господин в сером. Оттого, что давно ничего не пишет. А только пьет. И, между прочим, нередко опять же за наш счет.

Господин в черном (заметно пьян). И — прекрасно! Он — за наш, мы — за его. Лучшее основание для сплоченности, господа, в то время как занятие литературой — всегда повод к раздору и недовольству друг другом. Соперничество, господа!.. Поэтому предлагаю тост за... (*Задумывается.*)

Господин в сером. «Собрать все книги да и сжечь!» Поздравляю вас! (*Смеется.*) Как однако вы себя перехитрили! (*Вдруг начинает размахивать руками возле своего лица.*) Оса! Осторожно, господа, оса! (*На столе падает посуда.*) Ловите, вот она!

Господин в светлом (размахивая руками). Меня укусила прошлым летом. В эту комнату всегда залетают! Ай! Упустили! Надо было ловить проворнее!

Прислушиваются.

Господин в черном. Нет ничего. Вам показалось.

Председатель. Не будем обращать внимания на эти пустяки, господа. (*Встает с бокалом.*) Позвольте мне сказать. Вспомним еще раз из Пушкина. (*Декламирует.*) «...И долго буду тем любезен я народу, Что чувства добрые я лирой пробуждал...» Предлагаю тост за добрые чувства между нами, литераторами. Это и есть то основание, на котором одном и можно воздвигнуть памятник нашей российской словесности.

Господин в черном. Разве ее уже похоронили?

Господин в сером. Опять придираетесь. Завидуете, что не сами придумали. Лучший тост сегодня! Я бы приберег для пушкинского вечера. За добрые чувства, господа! (*Пьет.*)

Господин в черном. Однако Лескову сегодня отказали.

Молчание.

Господин в светлом (возмущенно). Зачем вы вспомнили теперь?

Господин в сером. И что такого? Лично я не вижу никакого противоречия.

Господин в черном. Можете объяснить?

Господин в сером. Конечно. (*Помолчав.*) У меня есть один пример. Здесь кстати будет вспомнить Гоголя Николая Васильевича.

Господин в светлом. Почему Гоголя? В каком смысле?

Господин в сером. Его историю на мосту. Я перескажу. Идет Гоголь через мост. Дело было вечером зимой. Холод, ветер, снег... Вдруг натывается на нищего со шляпой в руке. Тот, как вы поняли, просит подавание. Это уж почти ночью. А наш Николай Васильевич то ли раздражен был, то ли в карманах было пусто, — возьми, да и пройди мимо. А ступив вперед сколько-то шагов, слышит, как за его спиной бултых что-то с моста в воду... Он быстро вернулся, глядит, а на воде только шляпа...

Господин в светлом. Я не понял. К чему вы рассказали?

Господин в сером. Подождите. Здесь важен вывод. Следите за мыслью, господа. Для нищего того копейка всей его жизни стоила, ибо вся его жизнь была уже сосредоточена в этой копейке, — что бывает при полной потере человеческого достоинства, согласитесь.

Господин в черном. Безусловно.

Господин в сером. А такие, как Лесков, еще много амбиций в запасе имеют, а стало быть, и способности обойтись без нас.

Господин в черном. Хм...

Господин в светлом (взмахнув руками). Ай! Опять оса! Меня укусила! Ловите, ловите скорее!

Все вскакивают со своих мест, создается суета.

Выкрики. Вот она! Еще одна, их тут много! Откройте окно! Давите, что же вы зеваете!

Господин в черном нечаянно толкает Господина в светлом, тот падает на пол.

Господин в светлом. Вы меня толкнули!

Господин в черном. Сами под руку попались!

Господин в светлом. Нет, это вы налетели. Я повредил ногу!

Господин в черном. У вас есть другая. Что вы хнычете? Поднимайтесь!

Господин в светлом. Помогите же мне!

Ему дружно помогают, усаживают на стул, обмахивают платками.

Господин в сером. Заметьте, господа. — Как только заговорим о Лескове, тотчас что-нибудь произойдет.

Господин в светлом. Вы сами начали. Это невозможно! Какой испорчен ужин, господа! Не будем думать об этом господине, пусть, наконец, о нем хлопочут другие.

Господин в черном (тихо, но отчетливо). Именно. У Лескова есть и без нас хорошие заступники.

Господин в сером. Вы об осах?

Господин в черном. Если хотите аллегию, то лучше — шмели. В нем принимает участие Толстой.

Молчаливая пауза.

Председатель. Господа, я плохо понимаю... Что за шутка?

Господин в черном. Это факт. Разве вы сами не знали?

Председатель. Откуда известно?

Господин в черном. Из устных высказываний.

Господин в светлом. Я тоже слышу впервые.

Председатель. А... который Толстой? Лев Николаевич?

Господин в черном. Ну что вы! Этому сейчас не до других! Занят Бородиным, поехал сам изучать для романа поле битвы.

Господин в сером. Это правда.

Господин в светлом (заикаясь). Так к-который?

Господин в черном. Вы меня удивляете. Что, у нас в литературе много Толстых?

Господин в светлом. Алексей Константинович?

Господин в черном. Угадали. Ваш великий драматург и знаток русской истории. Именно он высоко оценил талант Лескова.

Молчание.

Председатель. Что же это такое, господа? Отчего у нас всегда разногласия? И почему вы не сказали сразу?

Господин в черном. А тогда голосовали бы иначе?

Господин в сером. Лучшее дело — отвечать вопросом, вы на это мастер. (*Помолчав.*) Но... Собственно, ничего не произошло. Давайте разберемся. Мы теперь никак, ни при каких условиях не могли удовлетворить просьбу господина Лескова. Гаврилов в долговой яме! Здесь срочное дело!

Председатель (с надеждой). Уже сидит?

Господин в сером. Нет еще, однако... День еще не кончен, господа.

Сосредоточенное молчание.

Господин в светлом. Мне кажется, нам не в чем оправдываться. Кому б мы ни выделяли — Достоевскому, Гаврилову, Лескову — все б отнимали у Пушкина. Возможно ли это? Через три дня торжества. Нельзя же отмечать такую дату, как теперь. (*Показывает на стол.*) Это же — Пушкин! Пусть господа нуждающиеся литераторы дождутся своих юбилеев. Тогда — милости просим!

Молчание.

Председатель. Кстати, какого направления придерживается сейчас Толстой?

Господин в черном. Совершенно русского. То есть определить невозможно. Толстой из тех, у кого всегда свое направление.

Председатель. Такого не бывает. От службы он удалился. Он ведь не при государе теперь?

Господин в сером. Покровительства это не лишает. Вы сами видели, как государь аплодировал в театре.

Председатель. Да... И все же... Что Толстому до Лескова?

Господин в черном. Ну как же... Тут родственность умонастроений очевидна. Оба хотят жить по-своему, как можно меньше зависеть от чего-либо. Оба радуют за Отечество — сравните пафос их сочинений! Оба оставили службу ради литературы... В сущности, у них одна статья. Разница в образованности и в том, что один богат, а другой беден.

Господин в сером. Вот-вот! Пусть к Толстому и обратится. Или к Достоевскому.

Господин в черном. Это их дело. Но отметим еще важное. Помните, как государь сказал о Толстом и Тютчеве, что они ненадежны? И не включил их в цензурный комитет. Не потому ли, что из своих соображений эти писатели всегда могут поступить вопреки правилам... Таков же и Лесков, господа. Вот и подумайте, может ли он быть поддержан нами. К чему рисковать нам?

Господин в сером. Господа, не будем думать, мы не первые им отказываем!

Господин в светлом. Сам государь их отстраняет! О чем еще рассуждать? Предлагаю тост, господа! За нашу русскую литературу!

Председатель (про себя с досадой.) Однако мы поторопились.

Картина шестая.

Квартира Лесковых. В комнате Николай Семенович Лесков, Василий Семенович, Вера, Лелева; Федоров за фортепиано. Поют.

День и ночь роняют в сердце ласку,
День и ночь кружится голова,
День и ночь взволнованною сказкой
Мне звучат твои слова:

Только раз бывают в жизни встречи,
Только раз судьбою рвется нить,
Только раз в холодный серый вечер
Мне так хочется любить.

Тает луч забытого заката,
Синевой окутаны цветы.
Где же ты, желанная когда-то,
Где, во мне будившая мечты?..

Входит Крестовский.

Возгласы. Наконец-то! Всеволод Владимирович, где вы пропадаете? Без вас не весело!

Федоров играет веселую польку, Крестовский целует руки Лелевой и Вере, вальсирует с Верой.

Лесков (брату). Полюбуйся на наше светило!

Крестовский подходит.

Василий, рекомендую тебе петербургскую знаменитость. — Крестовский, автор «Петербургских трущоб».

Василий Семенович (Крестовскому). Очень рад с вами познакомиться. Читал ваш роман с огромным интересом.

Крестовский. Критики, как всегда, недовольны. Они, наверное, правы.

Лелева. Не скромничайте, дамы от вас без ума.

Крестовский. Только это и поддерживает мой дух. Позвольте сделать ответный комплимент. Поздравляю вас с отличной ролью.

Федоров. Вы видели?

Крестовский. Разумеется! В зале было слышно много похвал, я радовался за вас.

Федоров. Благодарю. Хотя мы отлично понимаем, что «Иоанн Грозный» для нас слишком трудная пьеса, и мы не вполне справляемся с ролью. Куда лучше нам удастся из «Дон Кихота». (*Подмигивает Крестовскому.*) Разыграем?

Крестовский. Что за вопрос? Обязательно!

Федоров. Ждали вас. На этой сцене вы — мой лучший партнер. Оружием владеете?

Крестовский. Любимец дам обязан! Защищайтесь!

Имитируют поединок, дурачатся.

(*С пафосом.*) Где моя прекрасная Дульсиня? (Становится на колени перед Верой.)

Вера смеется, остальные дружно аплодируют, потом опять поют.

«День и ночь роняет в сердце ласку,
День и ночь кружится голова,
День и ночь взволнованной сказкой
Мне звучат твои слова...»

Входит Катерина Степановна.

Катерина Степановна. Дорогие гости, чай готов. Прошу всех в столовую.

Выходят из комнаты. Лесков задерживает Катерину Степановну.

Лесков. Катя, прошу тебя.

Катерина Степановна (встревоженно). Что случилось?

Лесков. Видишь ли... Я хотел спросить у тебя... Мы давно не говорили с тобой, я захлопотался...

Катерина Степановна. У нас гости.

Лесков. Ничего. Гости пьют чай. А я могу пропустить главное за суетой... А, не умею я дипломатничать.

Катерина Степановна. Ты спросить о чем-то хотел. Спроси прямо.

Лесков. Вот что. Ты никогда не говорила мне. Когда ты решила выйти за меня, то, наверное, представляла нашу с тобой жизнь, как праздник, что ли... Что мы будем в театрах, еще что-нибудь такое... Так ли?

Катерина Степановна. Странный вопрос. Ты сам знаешь, что у меня был уже опыт семейной жизни, вполне достаточный, чтобы познакомиться с ее прозаической стороной. Я не думала, что ты способен целиком подчинить себя женщине, ведь ты писатель. И разве за три года нашей жизни ты не убедился, что я люблю только то, что просто и естественно, а не то, что привлекает внешней стороной.

Лесков. Да, знаю. Но я боюсь, что мы, мужчины, не всегда догадливы. Может быть, ты хочешь чего-то от меня, а мне не скажешь.

Катерина Степановна. Не пойму, отчего эти вопросы. Я как будто не подавала повода.

Лесков. Нет, нет, совсем нет. День для меня такой, просто судный день. Все мною недовольны. Я и подумал о нас с тобой.

Катерина Степановна. Если ты хочешь, я еще скажу. Я очень хочу, Николай, чтобы у нас всегда было так, как сейчас. Когда всем у нас хорошо и весело. Мне больше ничего не нужно.

Лесков (порывисто обнимает Катерину Степановну). Как же люблю я тебя. А что говорю с тобой мало, так что еще сказать. Это чужим все объяснять надо.

Входит Степановна. Хочет незаметно выйти. Лесков ее замечает.

Степановна! Ты что?

Степановна (возвращаясь). Там человек пришел.

Лесков (медленно выпуская Катерину Степановну). Кто?

Степановна. А тот самый, что утром был.

Лесков (подумав). Пусть войдет сюда.

Степановна. Не желает. Стоит у дверей, тебя спрашивает.

Катерина Степановна (обеспокоенно). Что-то важное?

Лесков. Не знаю. Идите к гостям, я выйду к нему. *(Выходит.)*

Катерина Степановна и Степановна уходят вместе. Через некоторое время возвращается Лесков. В руках у него конверт, он вскрывает его, читает вслух.

«Постановление.

Читано письмо Н. Лескова к председателю Общества о выдаче ему ссуды в пятьсот рублей...» *(Дальше читает про себя, потом опять вслух.)* «...Комитет находит, что ссуда не может быть выдана г. Лескову, так как ссуды выдаются лишь за поручительство членов Комитета, желавших же принять на себя поручительство за господина Лескова в Комитете никого не оказалось...» *(Медленно.)* Никого не оказалось...

Из соседней комнаты доносится смех, шум. Вбегает Вера, она в ярком красном платье. Шумно входят Василий Семенович, Крестовский.

Василий Семенович (Лескову). Как весело сейчас представляли из «Дон Кихота»! Жалко, что ты не видел.

Вера (Крестовскому). Всеволод Владимирович, пожалуйста, сыграйте гусарскую теперь!

Крестовский. О! По желанию Дульсинеи — «Гусарская»! *(Садится за фортепиано, играет, поет.)*

Вера прыгает вокруг, кружится в танце. Василий Семенович прихлопывает в такт. Лесков исподлобья наблюдает за происходящим. Первой на него обращает внимание Вера. Она останавливается, поправляет платье. Прекращает игру Крестовский. Вера как будто прячется за Василия Семеновича.

Василий Семенович. Брат, что ты?

Входит Катерина Степановна.

Лесков (жене, мрачно). Кто придумал надеть на нее (*показывает на Веру*) этот наряд?

Катерина Степановна. Дети показывали рыцарские сцены, у Веры — роль. Было очень интересно.

Лесков. Чтобы никогда... Слышите? Никогда на ней не было этих тряпок. Снимите их немедленно.

Василий Семенович. Брат, ты не понял, это было замечательно!

Лесков. Вижу.

Крестовский. Николай Семенович, вы, видимо, преувеличиваете значение... Все это — шутка!

Лесков. Я никогда не считал достойными гусарские шутки.

Крестовский (деланно весело). Но это — исключительно для дамы сердца!

Лесков. Девочке в одиннадцать лет лучше не о рыцарях думать, а учиться полезному делу. Рыцари, как правило, в конце концов, оказываются шутниками-гусарами.

Крестовский. Мне непонятен ваш тон.

Лесков. Я не умею, к неудовольствию многих, выбирать тона, в этом моя особенность. Зато и в литературе не кривляюсь.

Крестовский. Вы хотите сказать...

Лесков (перебивая). Да. Если мы будем эдак проводить время, то никогда не выберемся из своих «трущоб». Головокруженье от успеха вытесняет привычку к труду. Учтите: в литературе никто помогать не станет.

Крестовский. Но лично я... не нуждаюсь в помощи. Никогда не думал об этом.

Лесков. И напрасно. Не будете думать — так и останетесь лишь Амуром у дам.

Крестовский (в недоумении). Николай Семенович, понимаю, что должен вам ответить... Но меня сдерживает присутствие здесь... дам. Лишь скажу, что не понимаю, что вдруг с вами сделалось. Ваши слова ничем не оправданы.

Входят Лелева и Федоров.

Федоров. Господа! Вот что мы придумали: завтра всех просим к нам в театр. Василий Семенович еще не видел «Грозного». Играет Васильев, он гораздо лучше Самарина, так все считают.

Лелева. Мы достанем вам билеты. (*Обводя всех взглядом.*) Отчего вы молчите?

Василий Семенович (прерывая молчание). Да, да, обязательно придем, благодарю вас. Я много наслышан. Все говорят, что отличная пьеса.

Федоров. Видите ли... Пьеса не просто хорошая. Тут совершенно новая драматургия! Алексею Константиновичу Толстому удалось передать историю. Играть в таком спектакле — для нас большая честь. Какие характеры! Но мы, актеры, не подготовлены к такому театру. Увы! Мы воспитаны на водевилях. Чтобы поставить такую пьесу, недостаточно декораций и костюмов. Нужен новый театр и не Лелева или Федоров, а новые актеры.

Молчание.

Лелева. Кстати, завтра будет Толстой. (*Лескову.*) Хотите, мы вас познакомим? Очень удобный случай. Он благородный, искренний человек, умница! Вы убедитесь сами.

Лесков (мрачно). Что я перед Толстым? Ему сейчас равных нет.

Лелева. А знаете ли, что он вчера за кулисами точно так про вас сказал. (*Федорову.*) Ты помнишь?

Федоров. Мы хотели вам передать. Сказал, что есть очень хороший писатель

Лесков. Так, как он, никто не пишет.

Лесков. Не может быть.

Лелева. Николай Семенович, голубчик! Отчего не может, когда это правда. Мы еще сказали, что вас знаем, что вы и человек замечательный.

Федоров. Точно так. Приходите завтра обязательно.

Катерина Степановна (прерывая молчание). Друзья, вы забыли: мы собирались выйти в сад. Прекрасный вечер. Предлагаю всем прогуляться.

Василий Семенович. Идемте, господа! Замечательно! Там продолжим беседу. *(Актерам.)* У меня много вопросов о театре.

Катерина Степановна. Прошу вас!

Все, кроме Лескова, выходят из комнаты. Некоторое время Лесков остается один. Входит Степановна.

Степановна. Ну, что, батюшка? Один остался? Всех разогнал.

(Усаживается за вязание.) Слыхала я, как ты Всеволода Владимировича ахнул. Слова твои потяжелее стульев будут. Только я, видно, и компания тебе.

Лесков. (После молчания.) Веру обидел, каюсь. Да вдруг встала перед глазами мать ее... Я-то всегда про любовь нашу думал, а она высказала мне, что всегда наряжаться хотела, веселиться... Вот в чем беда оказалась... *(С ожесточением.)* С детства манерничать приучали. А Вера уже гусарские песни распевает! Откуда знает-то их? Да еще платье красное! За Веру, за дочь я боюсь!

Степановна. Э... Мил человек... Разве возмущением убережешь! Тут надо мягкостью да терпеливостью... Что поняла она от твоего окрику? *(Вздыхнув.)* Мне пуще всего Катерину Степановну жалко. Вошла к нам красавицей, а живет из-за нрава твоего страдальницей, только что не скажет. Растеряешь ты ее. Хочешь — обижайся на меня, а я тоже люблю правду сказать. Растеряешь. *(Вздыхает.)* Не простая судьба твоя.

Лесков. Думаю я... Отчего трудней всегда тому, кто не умеет кривить душой? Вот, хотя бы в литературе. О ком у нас больше всего сплетничают? Слухи разносят? Сделал на каплю, а придумают град целый? Кого переговаривают постоянно? На кого пасквили пишут? — Достоевский да Тургенев, Тургенев да Толстой, еще Тютчев, опять Достоевский... А ведь это люди правдивые, честные, не клеветники, не хитрецы, не обманщики! Если и скажут, так не за спиной, а в глаза глядя... Каким талантом наделены!

Степановна. Ишь ты, стало быть, еще есть такие, как ты?

Лесков (улыбнувшись). Как высоко ты меня ценишь, Степановна! Что я перед ними? Лесков! Кто я такой...

Степановна. Почему это — кто? Лесков и есть. Фамилия у тебя хорошая, ласковая, благородная. Ты к этим-то и прибивайся.

Лесков. Дело не в фамилии.

Степановна. А я как будто и не понимаю! Знаю. *(Помолчав.)* Правда ли, будто похвалил тебя кто-то?

Лесков. Правда.

Степановна. Не из этих ли?

Лесков. Из этих, Степановна, из них.

Степановна. Значит, дождался ты этого, как его... — гонорара?

Лесков молчит.

Ну и слава Богу. Только ты не будь горяч-то. Правду свою, как задумаешь, лучше мне скажи, я не обидчива. А другому — подумай сперва. Сам же говоришь, что на хороших людей и так много обидчиков... Повинись, друг мой, перед Всеволодом Владимировичем! Он такого не заслужил от тебя.

Лесков. Знаю я, Степановна, знаю... Не прав. Да не со зла я... День такой, что все одно к одному... Ожесточился я. *(Подумав.)* А верно говоришь: нельзя так. *(Решительно.)* Сей же час повинюсь, обещаю тебе. Ведь умный человек должен понять, а?

Степановна. Должен-то должен... Да у него тоже сердце. *(Помолчав.)* Еще меня учила матушка, царство ей небесное! Остерегайся шуму да крику. Добро в тишине, в спокойствии... В любви к ближнему. Разве писатели по-другому понимают?

Лесков (обнимает Степановну). Отчего же по-другому?.. *(Задумчиво.)* Конечно, понимают. *(Глубоко вздохнув.)* Эх, Степановна! Никак не окончу я твоих университетов. Что правда, то правда.

Степановна (улыбнувшись). Ничего, батюшка, ничего. Все у тебя будет, поверь мне, старой. Много жизни еще впереди, для хороших дел хватит. А это перемелется, да мука будет. Верно ли говорю?

Лесков. Так, Степановна. Так. Обещаю тебе: будет.

Конец.

